

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-168-181

EDN: EVXDZC

Серебряная экосистема образования в интересах старшего поколения*

Е.Р. Ярская-Смирнова, Д.И. Присяжнюк

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия

(e-mail: eiarskaia@hse.ru; dprisyazhnyuk@hse.ru)

Аннотация. Эпоха долголетия, характеризующая многие развитые страны, включая Россию, требует пересмотра феномена старения и роли пожилых в обществе. Представление о старшей когорте населения как пассивных бенефициарах, создающих дополнительную нагрузку на рынок труда, системы социального обслуживания и здравоохранения, постепенно сменяется более инклюзивным взглядом, который основан на принципах активного долголетия и подразумевает расширение прав и возможностей пожилых, их интеграцию во все сферы общества. Один из способов ответа на вызовы долголетия — образовательные программы для пожилых, или геронтообразование, способное обеспечить старшую когорту нужными знаниями и навыками, укрепить их человеческий потенциал. В статье представлена перспективная теоретическая рамка для анализа геронтообразования в России как «серебряной экосистемы» образовательных программ для пожилых, реконструированной по работам У. Бронфенбреннера и интегрированной со структуралистско-конструктивистским подходом. Согласно «экологической теории» Бронфенбреннера, включенность представителей старшего поколения в образование может быть проанализирована на уровне ряда взаимосвязанных подсистем с акцентом на акторов разного уровня, вносящих вклад в социальное развитие и благополучие группы. Структуралистский конструктивизм позволяет рассмотреть образование для пожилых в контексте власти и неравенства как поле, на котором неравномерно распределены ресурсы, что необходимо учитывать в разработке образовательных программ. Применяя концептуальные основания нового подхода к анализу выборочных региональных документов, авторы раскрывают связи и разрывы, разнонаправленные процессы внутри «серебряной экосистемы», которые порождают противоречия между идеалами стратегии в интересах старшего поколения, предусматривающей его активное вовлечение в жизнь общества, и неравномерностью распределения ресурсов в поле социальной интеграции пожилых людей.

Ключевые слова: серебряная экосистема; образование для пожилых; геронтообразование; активное долголетие; инклюзия; человеческий капитал; структурные и символические неравенства

Для цитирования: Ярская-Смирнова Е.Р., Присяжнюк Д.И. Серебряная экосистема образования в интересах старшего поколения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 1. С. 168–181. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-168-181>

*© Ярская-Смирнова Е.Р., Присяжнюк Д.И., 2025

Статья поступила в редакцию 02.10.2024. Статья принята к публикации 24.12.2024.

Сегодня к основным трендам в поле социальных исследований долголетия следует отнести пересмотр алармистского дискурса о старении населения развитых стран, в чьей структуре растет доля людей пенсионного возраста, где остро ощущается нехватка рабочей силы, наблюдается экономический спад и рост социальных расходов. Новый курс научной дискуссии и государственных решений обусловлен ориентирами концепции активного долголетия, более выгодной экономически и поддерживаемой современными культурными идеалами инклюзии и интеграции, разнообразия, уважения человеческого достоинства и участия. Эта риторика подчеркивает новые тенденции социально-демографических, экономических и культурных изменений современных обществ. Меняется качество жизни: пожилые люди становятся здоровее, образованнее и состоятельнее, чем были их родители [36]; например, недавнее исследование в Финляндии показало существенное улучшение физических и когнитивных характеристик людей в возрасте 75–80 лет за последние три десятилетия [32]. Несмотря на сохраняющееся серьезное отставание в ожидаемой продолжительности жизни (в том числе здоровой) в России и ряде стран ЕС [5] долголетие постепенно становится вызовом и одновременно важнейшим ресурсом развития общества.

Различные аспекты старения широко представлены в российской академической литературе. Комплексные исследования социально-экономического положения и образа жизни россиян старшего поколения свидетельствуют о наличии резервов для повышения благосостояния этой группы с точки зрения занятости, включения в занятия спортом, дополнительное образование и интернет-коммуникации [37]. Исследователи отмечают, что не только здоровье оказывает влияние на качество жизни, но и разные формы деятельности [3], интересы, круг общения, доступная среда, социальная активность [7], вовлеченность в волонтерство [11; 16] — формируется новая культура старения. В то же время продолжает господствовать миф о старении [8; 12], воспроизводятся различные виды неравенства доступа к социально значимым ресурсам и программам культуры, здравоохранения, социальным услугам и рынку труда [9]. На повестке дня стоят вопросы о новых рисках социального исключения, депривации, уязвимости и эйджизма [38], с одной стороны, и о появлении новых форм сплоченности и взаимопомощи — с другой.

Одним из ответов на вызовы эпохи долголетия становятся образовательные программы для пожилых, способствующие инклюзии, повышению агентности и отвечающие на запросы старшей когорты. Такие образовательные программы — квинтэссенция политики активного долголетия, поскольку способны активизировать человеческий потенциал старшего поколения в интересах устойчивого инклюзивного роста. Учебные занятия для пожилых — относительно новый феномен для России, который возникает в 1990-е годы как один из элементов социальной работы с пожилыми на базе отдельных клубов и программ. Постепенно эта практика расширяется, и сегодня

в поле образовательных услуг для пожилых существуют разнообразные предложения, различающиеся концепциями, содержанием, степенью формализации и условиями доступности.

Геронтообразование в России анализируется преимущественно в публикациях по педагогике, социальной работе и психологии, где показано влияние образовательных мероприятий на качество жизни и состояние здоровья пожилых [1]. Понятие «серебряной экономики» нередко фокусируется на платежеспособности и расходах на обеспечение и обслуживание пожилых людей, их потреблении и запросах [35], однако более широким понятием могла бы стать «серебряная экосистема», подразумевающая не только экономические, но и социокультурные элементы и их взаимодействие на разных уровнях в целях социальной интеграции. В статье предпринята попытка показать эвристический потенциал понятия серебряной экосистемы с акцентом на роли образования в формировании капиталов пожилых.

«Серебряная экосистема» образования пожилых

У. Бронфенбреннер разработал теорию экологических систем [21], которая активно используется в исследованиях социального благополучия [26] и качества жизни [33]. Эта теория была введена в контекст российской социологии семьи с ребенком-инвалидом и теории социальной работы в середине 1990-х годов [15]. Теория экосистем применяется для объяснения механизмов социального развития групп, активно взаимодействующих с акторами разного уровня — как подвергаясь воздействию, так и модифицируя среду. Бронфенбреннер выделяет несколько подсистем и, соответственно, разных акторов, которые, взаимодействуя, вносят вклад в социальное развитие и благополучие группы. Проиллюстрируем это на примере образовательных программ для пожилых людей: на уровне микросистемы внимание уделяется паттернам поведения, социальным ролям и межличностным взаимодействиям (повседневная жизнь пожилых слушателей, их практики взаимодействия между собой, с преподавателями, администраторами и волонтерами); мезосистема — совокупность микросистем — определяется правилами и нормами образовательных учреждений, ожиданиями слушателей, формальным учебным планом и установками преподавателей. Установки слушателей и педагогов входят в «скрытый учебный план», неформальную повестку, которая формируется распространенными убеждениями, организацией образовательной программы и учреждения, содержанием предметов, стилем преподавания [14]. На неформальную повестку влияют официальные и неписанные регламенты подсистем разных уровней. Экосистема включает в себя официальные и неформальные социальные структуры, определяющие задачи и контуры образования для пожилых, законодательные акты, программы и проекты. Макросистема проявляется на уровне культуры, аккумулируя идеологии, нормы и ценности, как воспроизводящие, так и развенчивающие мифы в отношении пожилых и предопределяющие

культуру старения, образ пожилого человека. В качестве пространственно-темпорального контекста развития социальных групп выступает хроносистема. Таким образом, данный подход позволяет взглянуть на «серебряную экосистему» образовательных программ для старшего поколения как на ряд взаимосвязанных систем — от микроуровня индивидуальной жизненной ситуации пожилого человека до социальных структур, институтов и более широкого контекста, не забывая и о роли темпоральных переменных.

Системную перспективу, с нашей точки зрения, необходимо дополнить подходом, который бы позволил заострить внимание на аспектах власти и неравенства. Геронтообразование — поле, в котором неравномерно распределены экономические, культурные и социальные ресурсы: набор услуг, уровень их доступности и инклюзивности, развитость механизмов обратной связи; действуют акторы с собственными интересами и ресурсами, что создает напряжение и структурирует это поле отношениями конкурентной борьбы. Обладание тремя типами ресурсов — экономическим, культурным и социальным капиталом — легитимизируется посредством символического капитала [20]. На объем социального капитала, помимо широты сети взаимных связей, влияет обладание иными формами капитала — экономическим и культурным [17]. Накопление культурного капитала требует времени и усилий, необходимо высвободить время для освоения новых форм деятельности [4], что, в частности, становится возможным после выхода на пенсию. Культурные компетенции — ценность, обладание которой может приносить индивиду выгоды и способствует наращиванию объема социального капитала (принадлежность группе или организации, совокупность социальных связей). Объем социального капитала у пожилых слушателей образовательных программ растет, символические ресурсы увеличиваются вместе с социальным признанием старшего поколения.

Активное долголетие как вызов и ресурс геронтообразования

Один из важнейших документов, определивших макросистему геронтообразования и направленных на интеграцию пожилых в разные сферы общества, — Мадридский план действий по проблемам старения, принятый ООН в 2002 году. Его основные ценности были поддержаны международными организациями и стали ориентирами для современных государств в продвижения политики активного долголетия, сопряженной с расширением прав и возможностей пожилых в социальной, экономической и культурной сферах, сглаживанием противоречий между старшим и другими поколениями за счет укрепления межпоколенных социальных связей, разрушения стереотипов и предубеждений в отношении пожилых в интересах создания инклюзивного общества «для всех возрастов». Теоретические модели активного долголетия и стратегические ориентиры политики в отношении пожилых определяются не только инклюзивными установками, но и экономическими приоритетами, оформившимися

в ответ на те вызовы, которые сопряжены с ростом продолжительности жизни, постоянным увеличением доли пожилых в структуре населения, т.е. с нагрузкой на пенсионную, социальную и систему здравоохранения [34].

В последние десятилетия проблематика активного долголетия входит и в повестку российской социальной политики и практики. Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года следует принципам Мадридского плана, оперируя категорией активного долголетия и предусматривая расширение возможностей справедливого и счастливого старения посредством вовлечения пожилых в образовательные программы. Однако некоторые исследователи критикуют рассогласованность общей неолиберальной повестки политики активного долголетия с реальным воплощением на всех уровнях серебряной экосистемы [7]: эта политика слабо учитывает негомогенность группы пожилых по уровню человеческого капитала, качества жизни и стилевых предпочтений; разработанные в развитых западных обществах понятия активного, здорового, успешного долголетия во многом описывают опыт наиболее ресурсных пожилых людей и плохо согласуются с российской действительностью, где многие представители старших поколений остаются социально депривированными (низкая включенность в разные сферы жизни вследствие низкого уровня жизни, проблемы системы социальной поддержки, неравномерность развития доступной среды, сохраняющийся эйджизм).

Образование для пожилых: между инклюзией и неравенством

Для одних пожилых людей выход на пенсию — это долгожданная пора, предоставляющая выбор занятий, свободное время и возможности заботы о себе, у других возникают стрессы и диссонансы от ощущения одиночества и невостребованности, незаполненности времени, неудовлетворения интеллектуальных и коммуникативных потребностей [13], снижения двигательной активности. Стратегия действий в интересах старшего поколения предусматривает расширение возможностей справедливого и счастливого старения посредством вовлечения пожилых в образовательные программы активного долголетия, которые становятся частью общей системы непрерывного образования на мезоуровне серебряной экосистемы, создавая для пожилых основу социального участия и индивидуального благополучия [31]. Возможности повышения или смены квалификации представителями «третьего возраста» предоставляются сегодня как в формализованных форматах высших учебных заведений, с соответствующим уровнем стандартизации и сертификации, так и в менее институционализированных рамках в системе социальной защиты. Однако, даже имея финансирование, вузы редко разрабатывают образовательные программы для пожилых, действующие при российских вузах университеты третьего возраста отстают от лучших мировых практик, нередко воспроизводя форматы, предлагаемые в системе социальной

защиты [10] (иные по функционалу и формату — более гибкие и открытые инновациям, вариативные программы). Яркий пример — «Московское долголетие» — крупнейший в стране оздоровительный, образовательный и досуговый проект для пожилых москвичей с несколькими десятками направлений.

Комплексный инклюзивный эффект образовательных программ для старшего поколения заключается в расширении участия, социальном признании, лидерстве и социальной, в том числе межпоколенной, интеграции пожилых [16]. Однако образование является не только институтом социальной интеграции, но и механизмом воспроизводства неравенства — доступ пожилых людей к социально значимым ресурсам и образовательным программам неоднороден. Здесь целесообразно применить оптику структуралистского конструктивизма — в целях анализа и для критического пересмотра концепций образовательных программ

На западе геронтообразование начало развиваться с 1950-х годов [6], с 1970-х годов в ряде стран развивается научная дисциплина геррагогика, ведутся исследования, осуществляется подготовка по профессии «геррагог» на соответствующих кафедрах, создана широкая сеть дополнительного образования для слушателей «серебряного» возраста [24]. «Критическая геррагогика» подразумевает, что обучение любым знаниям и навыкам, в частности, современным цифровым технологиям [27] или музыке [23], имеет основополагающее значение для расширения прав и возможностей и потому должно соответствовать антидискриминационным принципам в духе концепции социальной справедливости [25]. Такие программы не принимают как должное и не камуфлируют отношения власти, а развивают критическое мышление и воображение пожилых людей, наделяя их ресурсами и предоставляя возможность участвовать в принятии решений и волонтерстве [22], развивая их агентность [2] и позволяя отрефлексировать свою роль в обществе. Некоторые программы, вдохновленные принципами критической геррагогика, помогают слушателям старшего возраста определить свою позицию, высказать свое мнение и создать пространство для критического пересмотра и конкретных действий в поле преодоления социального неравенства. Критическая геррагогика бросает вызов стереотипам, практикам и структурам, угнетающим людей по признаку возраста, помогает преодолевать отчуждение и развивать чувство самостоятельности, предлагает ресурсы для целенаправленных коллективных действий [23] путем создания позитивного межличностного климата, использования предыдущего опыта участников в качестве ресурса для группового творческого самовыражения.

Другое важное направление в русле критического подхода на принципах социальной инклюзии — «интегративная геррагогика»: рост числа людей «четвертого возраста», как и пожилых людей с ограниченными возможностями, находящихся на долговременном уходе, практически никогда не рассматривается в научных публикациях о практиках геронтообразования. В связи с этим воз-

никает термин «инклюзивная», или «интегративная», геррагогика, которая тесно связана с терапевтическим образованием и социальной работой [30]. С опорой на идеи «интегративной геррагогики» [30] и «критической геррагогики» [23], учитывая идеи индивидуального и социального качества жизни, социального капитала пожилых обучающихся [28], ориентиры Мадридского плана и цели российской Стратегии действий в интересах старшего поколения, составим таблицу целей и ожиданий пожилых обучающихся в соотнесении с уровнями серебряной экосистемы и с ориентирами политики активного долголетия.

Таблица 1

Проблемы и цели Мадридского плана, интересы пожилых обучающихся и элементы образовательных программ для пожилых

Интересы учащихся	Личностные	Групповые	Предметные
	Автономия Рефлексия Личностный рост Самовыражение	Социальное одобрение Социальный вклад, влияние Принадлежность к группе	Целеориентированность Развитие инструментальных навыков Копинг Работа, карьера, досуг
Цели Мадридского плана	1,2. Участие в принятии решений 4,1. Равенство возможностей для непрерывного образования и профессиональной подготовки, услуги по трудоустройству	1,2. Участие в принятии решений 4,2. Использование потенциала и знаний 1,1. Признание вклада	2,1. Возможности трудоустройства 4,2. Использование потенциала и знаний
Цели Стратегии в интересах старшего поколения	Удовлетворение образовательных потребностей Повышение доступности туристических услуг	Развитие благотворительности и добровольческой (волонтерской) деятельности	Профориентация по востребованным на рынке труда специальностям с учетом имеющегося трудового потенциала, желаний и возможностей Создание условий, исключающих дискриминацию пожилых, и стимулов к продолжению трудовой деятельности после выхода на пенсию в соответствии с пожеланиями, профессиональными навыками и физическими возможностями
Группы предметов, методы преподавания	Творчество, путешествия, гуманитарные дисциплины, цифровая и финансовая грамотность Открытие талантов, активизация ресурсов, создание возможностей для самореализации	Обучение лидерству, волонтерство Признание заслуг и актуального вклада Вовлечение людей в принятие решений и преподавание, проектную деятельность Занятия и методы, предполагающие групповую динамику	Технологии, хозяйство, ремесла, финансовая и цифровая грамотность, здоровье

Мы проанализировали локальные веб-ресурсы организаций, предоставляющих образовательные услуги пожилым, в трех регионах России — Краснодарском крае, Самарской и Саратовской областях. Максимально полно эта информация представлена на сайте «Путеводитель в Самарское долголетие», найти аналогичные сведения по Саратовскому и Краснодарскому регионам было затруднительно. На самарском ресурсе приведен целый ряд возможностей реализовать многие упомянутые в таблице интересы, за исключением финансовой грамотности и содействия трудоустройству. Мы также рассмотрели материалы из Паспортов региональных программ активного долголетия трех регионов: наиболее системно представлена программа Краснодарского края, которую отличает и развернутая преамбула с объяснением сути понятия «общество для всех возрастов», важности признания вклада и активизации потенциала пожилых, необходимости учета разнообразия пожилой когорты при соблюдении императива равенства прав. Документация Самарской области содержит многообразную, но не системно составленную информацию, а материалы саратовской программы наиболее лаконичны, в них наблюдаются логические разрывы.

Цели всех региональных программ сформулированы сходным образом: к ядру формулировки «увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни» добавлены «улучшение положения граждан старшего поколения», «укрепление здоровья», «повышение качества жизни». При этом саратовская программа фокусируется на здоровом образе жизни и физкультурно-оздоровительных мероприятиях, профилактике заболеваний, кубанская — тоже на здравоохранении, но отличается акцентом на вовлечении пожилых в активную жизнь общества и формировании позитивного и уважительного отношения к людям старшего поколения. В самарской программе задачи не сформулированы, но есть целевые показатели, которые сводятся к медицинским (диспансеризация и госпитализация). Показатели краснодарской программы связаны с охватом и оценкой социального обслуживания, профосмотрами, диспансеризацией и физической культурой. Саратовская программа ориентируется на охват физкультурой и спортом, санаторно-курортным лечением и сдачу нормативов ГТО. Столь узкий набор показателей характерен для всех рассматриваемых регионов, включая и Краснодарский край, где заявлены задачи вовлечения пожилых в активную жизнь общества.

Мы проанализировали планы мероприятий на предмет выявления указаний на образовательные услуги. В плане мероприятий самарской программы обнаружился раздел, посвященный профессиональному обучению и дополнительному профессиональному образованию (ДПО) граждан старше 50 лет: предусмотрено формирование списков граждан этого

возраста, желающих пройти профессиональное обучение и ДПО, перечней работодателей, готовых принять участие в таких мероприятиях, перечней образовательных организаций, на базе которых планируется организовать обучение, а также заключение соглашения с Рострудом о предоставлении субсидий на реализацию соответствующих мероприятий. План саратовской программы целиком посвящен физкультурно-оздоровительным проектам. План краснодарской программы, помимо позиций по оздоровлению и физкультурно-спортивному развитию, включает раздел, посвященный стимулированию занятости пожилых: запланирована информационно-разъяснительная работа о возможностях трудоустройства; профессиональное обучение и ДПО при содействии службы занятости для пенсионеров, планирующих возобновить трудовую деятельность, а также лиц предпенсионного возраста. Кроме того, широко представлены мероприятия по «развитию общества с учетом интересов, потребностей и возможностей граждан старшего поколения», — клубная деятельность, серебряное волонтерство, социальный туризм, развитие наставничества, повышение доступности культурно-образовательных и туристских услуг (организация досуга, расширение роли библиотек и групп по интересам), а также доступности информации (осведомленности о возможностях получения государственных услуг через Интернет). Тем самым образовательная сторона активного долголетия наиболее полно и системно представлена в программе Краснодарского края, однако на сайтах учреждений и организаций Кубани оказалось затруднительным найти свидетельства реализации этих услуг и конкретных мероприятий.

Таким образом, предварительный анализ документации региональных программ активного долголетия показал их частичное формальное соответствие стратегическим ориентирам политики активного долголетия на всех уровнях серебряной экосистемы, системный характер отличает лишь одну программу, а поиск предметного воплощения целей и планов может завести в тупик. Активизация потенциала пожилых людей не должна сводиться лишь к физкультурно-оздоровительным или медицинским мероприятиям — важно развивать образовательные услуги для представителей старшего поколения в контексте серебряной экосистемы, учитывающей их интересы, особенности и возможности. Это, в частности, требует подготовленных специалистов-преподавателей — геррагогов — с компетенциями для максимального раскрытия потенциала и возможностей слушателей, повышения их качества жизни и человеческого капитала, преодоления негативной стереотипизации пожилого человека [27], что позволит уменьшить эффекты воспроизводства неравенства в поле образования.

Основываясь на литературе по критической геррагогике, можно выделить четыре типа компетенций преподавателей образовательных программ для пожилых [18; 19; 27; 29]: во-первых, экспертные/технические

знания в конкретной (мета-) предметной области; во-вторых, методологические компетенции, выраженные в способности выполнять задачи консультанта, мотиватора, фасилитатора, создавая учебный климат, соответствующий потребностям обучающихся старшего возраста, и мотивируя пожилых слушателей участвовать в процессе обучения; в-третьих, социальные компетенции — установки, созвучные ценностям Мадридского плана, понимание важности расширения прав и возможностей пожилых во всех сферах общества, роста их автономии и независимости, ценности как носителей важных культурных кодов, непринятие эйджизма, стереотипов и мифов о пожилых; в-четвертых, персональные компетенции — эмпатия, терпеливость, открытость, саморефлексия. На основе этой классификации компетенций можно провести анализ соответствия мотивов и ожиданий пожилых слушателей компетенциями и качествами герагогов, рассматривая образование как поля и учитывая связи и уровни элементов серебряной экосистемы.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ

Библиографический список

1. Албегова И.Ф., Старцева О.Н. Образование пожилых людей как фактор их здоровья в условиях постоянного проживания в современном доме-интернате // Социология медицины. 2014. № 1.
2. Арендт Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни. СПб., 2000.
3. Башкирева А.С. и др. Уровень физической активности и качество жизни у лиц пожилого и старческого возраста // Клиническая геронтология. 2019. № 11–12.
4. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5.
5. Вишневский А.Г., Щербакоева Е.М. Демография: за и против повышения пенсионного возраста // Журнал Новой экономической ассоциации. 2019. № 2.
6. Высоцкая И.В., Тихаева В.В., Глебова Е.А. Сравнительная характеристика содержания образования «университета третьего возраста» в Германии и России // Вестник СГТУ. Психолого-педагогические науки. 2017. № 4.
7. Григорьева И., Богданова Е. Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // *Laboratorium*. 2020. № 2.
8. Здравомыслова Е., Низамова А. Миры институциональной заботы: совместное проживание и конфликты в пансионате для людей старшего возраста // Критическая социология заботы: перекрестки социального неравенства / Под ред. Е.А. Бороздиной, Е.А. Здравомысловой, А.А. Темкиной. СПб., 2019.
9. Овчарова Л.Н., Морозова М., Сидоренко А., Синявская О.В., Червякова А.А. Концепция политики активного долголетия / Под общ. ред. Л.Н. Овчаровой, О.В. Морозовой. М., 2020.
10. Никиторец-Такигава Г.Ю. Университеты третьего возраста в российской высшей школе: проблемное поле // Университетское управление: практика и анализ. 2022. Т. 26. № 1.
11. Парфенова О.А. Вовлечение пожилых в волонтерскую и гражданскую активность как инструмент преодоления социального исключения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4.

12. *Смирнова Т.В.* Пожилые люди: стереотипный образ и социальная дистанция // Социологические исследования. 2008. № 8.
13. *Татаринов К.А., Орлова Е.Г.* Непрерывное обучение в период поздней взрослой жизни // АНИ: педагогика и психология. 2021. № 3.
14. *Ярская-Смирнова Е.П.* Скрытый учебный план как традиция социологических исследований // Меняющаяся молодежь в меняющемся мире: невидимая повседневность. Ульяновск, 2006.
15. *Ярская-Смирнова Е.П.* Социокультурный анализ нетипичности. Саратов, 1995.
16. *Ярская-Смирнова Е.П., Ярская-Смирнова В.Н., Кононенко Р.В.* Виды капиталов в поле «серебряного волонтерства» // Социологические исследования. 2024. № 3.
17. *Яшкова М.* Социальный капитал: эволюция концепта // Неприкосновенный запас. 2018. № 3.
18. *Balogová B., Gazdová V.K.* Are Slovak universities prepared to create the department of geragogy and train future geragogues? // Acta Educationis Generalis. 2019. Vol. 9. No. 1.
19. *Baschiera B.* Key competencies in late-life learning: Toward a geragogical curriculum // Innovation in Aging. 2017. Vol. 30. No. 1.
20. *Bourdieu P.* The forms of capital // J. Richardson (Ed.). Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. New York, 1986.
21. *Bronfenbrenner U.* Ecological models of human development // International Encyclopedia of Education. Oxford, 1994.
22. *Brown J.W., Chen S.L., Mefford L., Brown A., Callen B., McArthur P.* Becoming an older volunteer: A grounded theory study // Nursing Research and Practice. 2011. doi: 10.1155/2011/361250.
23. *Creech A., Hallam S.* Critical geragogy: A framework for facilitating older learners in community music // London Review of Education. 2015. Vol. 13. No. 1.
24. *Formosa M.* Education and older adults at the university of the third age // Educational Gerontology. 2011. Vol. 38. No. 2.
25. *Fraser N.* From redistribution to recognition? Dilemmas of justice in a ‘post-socialist’ age // New Left Review. 1995. Vol. 212.
26. *Garbarino J.* Ecological perspective on child well-being // Ben-Arieh A., Casas F., Frønes I., Korbin J. (Eds.). Handbook of Child Well-Being. Dordrecht. 2014.
27. *Gates J.R., Wilson-Menzfeld G.* What role does geragogy play in the delivery of digital skills programs for middle and older age adults? A systematic narrative review // Applied Gerontology. 2022. Vol. 41. No. 8.
28. *Geigl C., Loss J., Leitzmann M., Janssen C.* Social factors of health-related quality of life in older adults: A multivariable analysis // Quality of Life Research. 2023. Vol. 32. No. 11.
29. *Kilian M.* Special geragogy in an aging society — needs and possibilities // Exlibris: Social Gerontology Journal. 2016. Vol. 12. No. 2.
30. *Maderer P., Skiba A.* Integrative geragogy. Part 1: Theory and practice of a basic model // Educational Gerontology. 2006. Vol. 32. No. 2.
31. *Merriam S., Kee Y.* Promoting community well-being: The case for lifelong learning for older adults // Adult Education Quarterly. 2014. Vol. 64. No. 2.
32. *Munukka M., Koivunen K., von Bonsdorff M.* Birth cohort differences in cognitive performance in 75- and 80-year-olds: A comparison of two cohorts over 28 years // Aging Clinical and Experimental Research. 2021. Vol. 33.
33. *Nelson G., Saegert S.* Housing and quality of life: An ecological perspective // Preedy V.R., Watson R.R. (Eds.). Handbook of Disease Burdens and Quality of Life Measures. N.Y., 2010.
34. *Prisiazhniuk D., Holavins A.* Active ageing and social services: The paradox of empowerment in Russia // Europe-Asia Studies. 2023. Vol. 75. No. 2.
35. *Reshetnikova L., Boldyreva N., Perevalova M., Kalayda S., Pisarenko Z.* Conditions for the growth of the “silver economy” in the context of sustainable development goals: Peculiarities of Russia // Journal of Risk and Financial Management. 2021. Vol. 14. No. 9.

36. The upside of aging: How long life is changing the world of health // P.H. Irving (Ed.). *Work, Innovation, Policy and Purpose*. Hoboken; New Jersey, 2014.
37. *Varlatova M., Sinyavskaya O.* Active ageing index in Russia — identifying determinants for inequality // *Journal of Population Ageing*. 2021. Vol. 14. No. 1.
38. *Wister A., Speechley M.* COVID-19: Pandemic risk, resilience and possibilities for aging research // *Canadian Journal on Aging*. 2020. Vol. 39. No. 3.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-168-181

EDN: EVXDZC

Silver ecosystem of education for the benefit of the older generation*

E.R. Iarskaia-Smirnova, D.I. Prisyazhnyuk

National Research University Higher School of Economics,
Myasnitckaya St., 20, Moscow, 101000, Russia

(e-mail: eiarskaia@hse.ru; dprisyazhnyuk@hse.ru)

Abstract. The era of longevity, which characterizes many countries, including Russia, requires a revision of ageing and the role of the elderly in society. The idea of the older cohort of the population as passive beneficiaries, creating an additional burden on the labor market, social services, and health care systems, is gradually replaced by a more inclusive approach based on the principles of active ageing, empowerment for the elderly and their social integration. One of the ways to respond to the challenges of ageing societies are educational programs for the elderly, which can provide the older cohort with necessary knowledge, skills and competencies, thus strengthening its human potential. The article focuses on the development of a theoretical framework for the analysis of education for the elderly in Russia, i.e., “silver ecosystem” of educational programs for the elderly, which is reconstructed from the works of U. Bronfenbrenner and the structuralist-constructivist approach. Following the logic of Bronfenbrenner’s ecological theory, the authors consider education for the elderly as a number of interconnected subsystems with an emphasis on actors at different levels, contributing to social development and well-being of this social group. The structural-constructivist approach allows to analyze education for the elderly in the context of power and inequality and as a field in which resources are unevenly distributed. The authors apply the new conceptual framework to the regional policy analysis to reveal bonds, boundaries and multidirectional processes at different levels of the “silver ecosystem”, which determine contradictions between ideals of the older generation’s active social involvement and the uneven distribution of resources for social integration of the older generation.

Key words: silver ecosystem; education for the elder generation; geragogy; active ageing; inclusion; human capital; structural and symbolic inequalities

For citation: Iarskaia -Smirnova E.R., Prisyazhnyuk D.I. Silver ecosystem of education for the benefit of the older generation. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (1): 168–181. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-168-181>

*© E.R. Iarskaia-Smirnova, D.I. Prisyazhnyuk, 2025

The article was submitted on 02.10.2024. The article was accepted on 24.12.2024.

References

1. Albegova I.F., Startseva O.N. Obrazovanie pozhilyh lyudey kak faktor ih zdorovya v usloviyah postoyannogo prozhivaniya v sovremennom dome-internate [Education of the elderly as a factor of their health on the contemporary care home]. *Sotsiologiya Meditsiny*. 2014; 1. (In Russ.).
2. Arendt X. *Vita activa, ili O deyatelnoy zhizni* [The Human Condition]. Saint Petersburg; 2000. (In Russ.).
3. Bashkireva A.S. Uroven fizicheskoy aktivnosti i kachestvo zhizni u lits pozhilogo i starcheskogo vozrasta [Level of physical activity and quality of life of the elderly]. *Klinicheskaya Gerontologiya*. 2019; 11–12. (In Russ.).
4. Bourdieu P. Formy kapitala [The forms of capital]. *Ekonomicheskaya Sotsiologiya*. 2002; 3 (5). (In Russ.).
5. Vishnevsky A.G., Shcherbakova E.M. Demografiya: za i protiv povysheniya pensionnogo vozrasta [Demography: Pros and cons of raising the retirement age]. *Zhurnal Novoy Ekonomicheskoy Assotsiatsii*. 2019; 2. (In Russ.).
6. Vysotskaya I.V., Tikhaeva V.V., Glebova E.A. Sravnitel'naya kharakteristika sodержaniya obrazovaniya "universiteta tretyego vozrasta" v Germanii i Rossii [A comparative description of the content of education of the "university of the third age" in Germany and Russia]. *Vestnik SGTU. Psikhologo-Pedagogicheskie Nauki*. 2017; 4. (In Russ.).
7. Grigoryeva I., Bogdanova E. Kontsepsiya aktivnogo stareniya v Evrope i Rossii pered litsom pandemii covid-19 [The concept of active aging in Europe and Russia under the covid-19 pandemic]. *Laboratorium*. 2020; 2. (In Russ.).
8. Zdravomyslova E., Nizamova A. Miry institutsionalnoy zaboty: sovmestnoe prozhivanie i konflikty v pansionate dlya lyudey starshego vozrasta [Worlds of institutional care: Co-living and conflicts in the care home for the elderly]. Pod red. E.A. Borozdinoy, E.A. Zdravomyslovoy, A.A. Temkinoy. *Kriticheskaya sotsiologiya zaboty: perekrestki sotsialnogo neravenstva*. Saint Petersburg; 2019. (In Russ.).
9. Ovcharova L.N., Morozova M., Sidorenko A., Sinyavskaya O.V., Chervyakova A.A. *Kontsepsiya politiki aktivnogo dolgoletiya* [Concept of the Active Ageing Policy]. Pod red. L.N. Ovcharovoy, M. Morozovoy, O.V. Sinyavskoy. Moscow; 2020. (In Russ.).
10. Nikiporets-Takigava G.Yu. Universitety tretyego vozrasta v rossiyskoy vysshey shkole: problemnoe pole [Universities of the third age in the Russian higher education: A subject field]. *Universitetskoe Upravlenie: Praktika i Analiz*. 2022; 26 (1). (In Russ.).
11. Parfenova O.A. Vovlechenie pozhilyh v volonterskuyu i grazhdanskuyu aktivnost kak instrument preodoleniya sotsialnogo isklyucheniya [The elderly's involvement in volunteer and civil activity as a tool for overcoming social exclusion]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2020; 4. (In Russ.).
12. Smirnova T.V. Pozhilye lyudi: stereotipny obraz i sotsialnaya distantsiya [The elderly: A stereotypical image and social distance]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2008; 8. (In Russ.).
13. Tatarinov K.A., Orlova E.G. Nepreryvnoe obuchenie v period pozdney vzrosloy zhizni [Lifelong learning in late adulthood]. *ANI: Pedagogika i Psikhologiya*. 2021; 3. (In Russ.).
14. Iarskaia-Smirnova E.R. Skryty uchebny plan kak traditsiya sotsiologicheskikh issledovaniy [Hidden curriculum as a tradition of sociological research]. *Menyayushchayasya molodezh v menyayushchemsya mire: nevidimaya povsednevnost*. Ulyanovsk; 2006. (In Russ.).
15. Iarskaia-Smirnova E.R. *Sotsiokulturny analiz netipichnosti* [Sociocultural Analysis of Otherness]. Saratov; 1995. (In Russ.).
16. Iarskaia-Smirnova E.R., Iarskaia-Smirnova V.N., Kononenko R.V. Vidy kapitalov v pole "serebryanogo volonterstva" [Types of capital in the field of "silver volunteering"]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2024; 3. (In Russ.).
17. Yashkova M. Sotsialny kapital: evolyutsiya kontsepta [Social capital: Evolution of the concept]. *Neprikosnovenny Zapas*. 2018; 3. (In Russ.).

18. Balogová B., Gazdová V.K.. Are Slovak universities prepared to create the department of geragogy and train future geragogues? *Acta Educationis Generalis*. 2019; 9 (1).
19. Baschiera B. Key competencies in late-life learning: Toward a geragogical curriculum. *Innovation in Aging*. 2017; 30 (1).
20. Bourdieu P. The forms of capital. J. Richardson (Ed.). *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York; 1986.
21. Bronfenbrenner U. Ecological models of human development. *International Encyclopedia of Education*. Oxford; 1994.
22. Brown J.W., Chen S.L., Mefford L., Brown A., Callen B., McArthur P. Becoming an older volunteer: A grounded theory study. *Nursing Research and Practice*. 2011. doi: 10.1155/2011/361250.
23. Creech A., Hallam S. Critical geragogy: A framework for facilitating older learners in community music. *London Review of Education*. 2015; 13 (1).
24. Formosa M. Education and older adults at the university of the third age. *Educational Gerontology*. 2011; 38 (2).
25. Fraser N. From redistribution to recognition? Dilemmas of justice in a ‘post-socialist’ age. *New Left Review*. 1995; 212.
26. Garbarino J. Ecological perspective on child well-being. Ben-Arieh A., Casas F., Frønes I., Korbin J. (Eds.). *Handbook of Child Well-Being*. Dordrecht; 2014.
27. Gates J.R., Wilson-Menzfeld G. What role does geragogy play in the delivery of digital skills programs for middle and older age adults? A systematic narrative review. *Applied Gerontology*. 2022; 41 (8).
28. Geigl C., Loss J., Leitzmann M., Janssen C. Social factors of health-related quality of life in older adults: A multivariable analysis. *Quality of Life Research*. 2023; 32 (11).
29. Kilian M. Special geragogy in an aging society — needs and possibilities. *Exlibris: Social Gerontology Journal*. 2016; 12 (2).
30. Maderer P., Skiba A. Integrative geragogy. Part 1: Theory and practice of a basic model. *Educational Gerontology*. 2006; 32 (2).
31. Merriam S., Kee Y. Promoting community well-being: The case for lifelong learning for older adults. *Adult Education Quarterly*. 2014; 64 (2).
32. Munukka M., Koivunen K., von Bonsdorff M. Birth cohort differences in cognitive performance in 75- and 80-year-olds: A comparison of two cohorts over 28 years. *Aging Clinical and Experimental Research*. 2021; 33.
33. Nelson G., Saegert S. Housing and quality of life: An ecological perspective. Preedy V.R., Watson R.R. (Eds.). *Handbook of Disease Burdens and Quality of Life Measures*. New York; 2010.
34. Prisiazhniuk D., Holavins A. Active ageing and social services: The paradox of empowerment in Russia. *Europe-Asia Studies*. 2023; 75 (2).
35. Reshetnikova L., Boldyreva N., Perevalova M., Kalayda S., Pisarenko Z. Conditions for the growth of the “silver economy” in the context of sustainable development goals: Peculiarities of Russia. *Journal of Risk and Financial Management*. 2021; 14 (9).
36. The upside of aging: How long life is changing the world of health. P.H. Irving (Ed.). *Work, Innovation, Policy and Purpose*. Hoboken; New Jersey; 2014.
37. Varlamova M., Sinyavskaya O. Active ageing index in Russia — identifying determinants for inequality. *Journal of Population Ageing*. 2021; 14 (1).
38. Wister A., Speechley M. COVID-19: Pandemic risk, resilience and possibilities for aging research. *Canadian Journal on Aging*. 2020; 39 (3).